

Дверь, уходя, он не закрыл. Дунсюань никуда не ушел и внутрь не заходил — так и сидел на лестничной площадке, обхватив колени руками, ожидая возвращения взрослых.

Сердце Ся Сюаньлани дрогнуло, он протянул руку, желая поднять мальчика.

Дунсюань подумал, что его сейчас будут бить, и рефлекторно зажмурился, прикрыв голову руками:

— Я виноват, я во всем виноват...

Вспомнив, что родная мать была Дунсюаня целых пять лет, Ся Сюаньлань с щемящей болью в груди прижал его к себе:

— Дядя просто хотел помочь тебе встать, а не бить.

Дунсюань испуганно взглянул на него, и Ся Сюаньлань поспешно добавил:

— Дядя никогда никого не бьет, не бойся.

Ся Нин с гордостью подхватил:

— Точно! Мой папа — учитель. Если я делаю что-то не так, папа всегда мне все объясняет.

Дунсюань терпеть не мог этот хвастливый тон, с которым Ся Нин говорил о своем отце, но все же чуть кивнул и послушно последовал за ними в дом.

Ся Сюаньлань сразу принялся готовить ужин для обоих мальчишек. Накормив их, он лично помог Дунсюаню надеть наволочку на подушку и достал для него новое шерстяное одеяло.

— Дунсюань, теперь ты будешь спать вместе с Ся Нин. Дом маленький, всего две комнаты, так что вам придется пока потесниться. Скоро я найду двухъярусную кровать и куплю вам, тогда станет гораздо удобнее.

Словно не умея вести себя прилично, Дунсюань даже не поблагодарил его, лишь тупо кивнул. Непривычная доброта этой семьи казалась ему чуждой. Даже то движение руки — оно ведь предназначалось для объятий. Оказавшись в новой обстановке, Дунсюань теперь был на птичьих правах и размышлял о том, что отныне ему придется научиться улавливать малейшие изменения в чужом настроении. На следующий день детям нужно было в школу, поэтому Ся Сюаньлань уложил их пораньше. Выключив в детской свет, он вернулся в свою комнату и позвонил завучу. Ся Сюаньлань объяснил ситуацию и выразил надежду, что завуч разрешит Дун Сюань перейти в класс Ся Нин в качестве новой ученицы.

В те времена порядки были не слишком строгими, и устроить ребенка в класс не составляло большого труда. К тому же она была ребенком сотрудника: если заранее предупредить классного руководителя, возможно, за ней будут приглядывать еще лучше.

Однако Ся Сюаньлань так долго думал о том, как бы отправить Дун Сюань в школу, что в суете совершенно забыл подумать о другом: сможет ли она сразу пойти в пятый класс и справиться с учебой? В первую ночь Дун Сюань спала на самом краешке кровати. Полтора метра в ширину — не так уж много, а Ся Нин привык спать один, раскинувшись звездой прямо посередине. Дун Сюань боялась задеть его, поэтому старалась держаться ближе к краю. Среди ночи Ся Нин проснулся от сильного позыва в туалет. Вставая с кровати, он заметил, что Дун Сюань свернулась калачиком у самого края и едва не падала с постели. Вернувшись обратно, он, гордо назвав себя старшим братом, перенес худенькую Дун Сюань на середину кровати. Затем она легла на бок рядом с ним, изображая крайнюю осторожность, словно опасаясь толкнуть младшего брата. Дун Сюань был очень чутким, поэтому, когда Ся Нин перенесла его в самый центр, он, разумеется, проснулся.

Слегка повернувшись лицом к Ся Нин, он тихо спросил:

— Твои раны болят? Ся Нин улыбнулся и покачал головой. Дело было не в том, что ему не больно — просто непоколебимая уверенность в том, что я не слабак, помогала эту боль превозмочь. К тому же в этот момент он думал о том, что младший братик и правда невероятно красив, куда милее всех девочек из их класса. Оттого и боль казалась пустяковой.

Дун Сюань ненавидел эту его улыбку и, нахмурившись, бросил с прямою, свойственной детям:

— Не делай вид, будто хорошо ко мне относишься. Как бы сильно ты ни старался, я всё равно буду тебя ненавидеть.

Вспомнив то, что отец рассказывал о тяжелой судьбе Дун Сюаня, Ся Нин подумал, что его неприязнь вполне можно понять. Не став спорить или обижаться, Ся Нин, чьи мысли вечно скакали с одного на другое, вдруг переключился на совсем другую тему. Он коснулся волос Дун Сюаня и с любопытством спросил:

— Ты же парень, почему у тебя такие длинные волосы?

Десятилетний Дун Сюань еще не умел хитрить и ответил честно:

— После смерти отца в пять лет я больше их не стриг. Никому было меня стричь, вот они и отрастали.

Ся Нин с замороженным видом запустил пальцы в волосы Дун Сюаня:

— У тебя такая густая шевелюра, и пахнет мылом. Люблю запах мыла.

Дун Сюань простодушно признался:

— Я мою голову мылом. А ты разве нет?

— Голову надо мыть шампунем.

— Шампунь? — Дун Сюань видел его по телевизору, но никогда не пользовался. В душе снова зашевелилось чувство неполноценности. — У меня дома... только мыло.

— Разве удобно мыть голову мылом? Мальчишкам нужно мыться и мыть голову каждый день, разве от мыла кожа не сохнет?

Глаза Дун Сюаня округлились и засияли. Чувство собственной ущербности делало его робким, и он слегка отпрянул назад:

— Я мою голову раз в неделю.

— А? Раз в неделю?

— Я не грязный! — Дун Сюань в испуге вцепился в руку Ся Нина, словно защищая свою гордость. — Я только вчера мыл, честно, я вымыл голову только вчера.

Ся Нин и сам не мог толком объяснить почему, но в этот момент Дун Сюань показался ему донельзя жалостливым.

Ся Нин обнял Дун Сюаня, пытаясь его успокоить:

— Я знаю, через какое горе тебе пришлось пройти. Но отныне ты — часть нашей семьи, всё, что есть у меня, будет и у тебя, всё, что ем я, будешь есть и ты. С завтрашнего дня можешь пользоваться всем в моей комнате! Я твой старший брат, теперь я буду тебя защищать, и никто больше не посмеет тебя обидеть!

У Дун Сюаня покраснели глаза. Вспомнив наставления матери, он почувствовал страшную душевную борьбу, искривил рот и горько заплакал, упрямо повторяя всё то же самое:

— Не делай вид, будто хорошо ко мне относишься. Как бы сильно ты ни старался, я всё равно буду тебя ненавидеть.

— Не плачь, братик, дальше всё будет хорошо. — Ся Нин обнимал Дун Сюаня и похлопывал его по спине, а тот горько-горько рыдал.